

Эпоха решительного подъема общественного значения литературы

**Конец XV — первая половина
XVI века**

Первая половина XVI века — эпоха, когда развивается вера в социальное переустройство общества на основе принципов «правды», то есть «истины-справедливости».

На первый план начинает выступать новое сословие — сословие дворян — служилых людей, выдвигаемых не по родovitости и заслугам предков, а по личным достоинствам и стремящихся укрепить свое положение различными проявлениями преданности государству и его главе — великому князю московскому.

Как и всякий новый общественный слой, дворянство стремится идеологически обосновать свои права и притязания, верит в силу разума. Впрочем, вера в доводы разума — ха-

рактерна не для одного дворянства. Во всем русском обществе поднимается вера не только в рассудок, логику, разумную целесообразность, но и в силу человеческого слова, в книгу. Роль и значение литературы поднимается необыкновенно. Сама литература меняет свой характер, становясь все более и более философичной, и проникается духом публицистической полемики.

Никогда прежде не спорили так много в Древней Руси, как в первой половине XVI века. Развитие публицистики — политической и философической — идет на гребне общего подъема веры в разум, характерной и для ренессансной Европы XVI века. О значении книжного слова неоднократно пишется в сочинениях, приписываемых приехавшему с Запада дворянину Ивану Пересветову. В «Сказании о царе Константине» Пересветов считает, что основной причиной неудач Константина было то, что вельможи его — «ленивые богатинны» — дали ему прочесть неправильные книги, в которых проводилась мысль, что царь не должен ходить войной «на иноплеменническую землю», в результате чего «царь книги прочел, да укротел». С другой стороны, успехи султана Магмета Пересветов объясняет опять-таки влиянием книг — на этот раз правильных и мудрых: «Царь турецкой Магмет-салтан сам был философ мудрый по своим книгам по турецким, а се греческия книги прочел, и написав слово в слово по-турски, ино виликия мудрости прибыло у царя». Рассказав о той «правде», которую ввел Магмет в своем царстве, Пересветов заключает: «А ту мудрость царь снял з греческих книг, образец — таковым было греком быти»; «А то царь Махмет списал со христианских книг ту мудрость»; «Махмет списал со христианских книг ту мудрость и праведный суд»; «А все то Магмет-салтан, турецкой царь, снял образец жития света сего со христианских книг».

Пересветов придает исключительное значение «речам» волошского воеводы Петра. Он стремится пересказать их царю; сообщает царю то, что пишут о нем в Литве «философи греческия и дохтуры латынския». Наконец, в особом «Сказании о книгах» Пересветов рассказывает, как Магмет-султан повелел у константинопольского патриарха Анастасия взять и перевести на турецкий язык христианские книги, с которых «снял образец жития света сего», то есть заимствовал об-

разец общественного устройства. Вера в возможность установить социальную справедливость с помощью убеждения и доброй воли просвещенного законодателя-князя отличает и сочинения другого замечательного писателя – протопопа кремлевского Благовещенского собора Ермолая-Еразма. Ермолай-Еразм предназначал свои сочинения для государя. К государю обращены его «Правительница» и «Моление к царю», его «челобитные», а отчасти сочиненные им на основе местных сказаний жития – «Повесть о Петре и Февронии Муромских» и «Повесть о Василии Рязанском», в которых он в косвенной форме поучает государя социальной справедливости и выступает против своеволия и спеси боярства.

В связи с этой верой в силу личного убеждения следует поставить и общее Пересветову и Ермолаю-Еразму желание, чтобы царь лично прочел их писания. Об этом Пересветов просит царя в первой своей челобитной; об этом же просит Грозного Ермолай-Еразм в своем «Молении к царю».

Вера в силу книжного слова была характерна в это время не только для представителей дворянской литературы. Однако эта вера имела свои оттенки в каждом из сословий. Представители церкви, обращавшиеся к государю со своими посланиями, надеялись в основном не только на силу своих доводов (как Пересветов и Ермолай-Еразм), но и на авторитет церкви. Митрополит Даниил самое свое слово считал как бы данным ему Богом: «даде нам господь бог от слова помощь». Представители же боярства редко предназначают свои сочинения непосредственно для царя. Они излагают свои взгляды не только для того, чтобы кого-то убедить, но и чтобы просто выразить свое негодование окружающими порядками. Впоследствии Вассиан Патрикеев говорил, что его называли «дерзким языком». Он жаловался, изливал свои недовольства. «Что убо безмилостивно и спротивно святым Писанием сътворяю, аще о сицевых беседую с боголюбивыми князи, *плачяся и рыдая* (выделено мною. – Д.Л.) церковное нестроение».

Вера в книги была присуща и оппозиционному кружку, собиравшемуся вокруг приехавшего на Русь ученого-гуманиста Максима Грека. Участник кружка Берсень-Беклемишев спрашивал Максима, «как устроить государю землю свою, и как людей жаловати, и как митрополиту жити». Максим отвечал

ему: «у вас книги (выделено мною. — Д.Л.) и правила есть, — можете устроиться».

Мировоззрение дворянских публицистов проникнуто максимально действенным началом. Это сказывается не только в обращениях к царю и воинству с «коня не сседати», «на ино- пленники ходити воевати», в призывах к коренным преобразованиям в социальной и государственной сфере, но и в обще- философских посылках всей их публицистической деятельности. В этом отношении особенное значение имеет учение Ивана Пересветова о превосходстве «правды» над «верою». «Правда» — это исполнение веры, это практика, действительность, справедливость, устроенная самими людьми — волей государя в первую очередь. Одной веры, по представлениям Пересветова, недостаточно. Необходимо воплощение этой веры в «правде», то есть «истине-справедливости». Без «правды» вера не нужна. «Коли правды нѣтъ, ино то и всего нѣту»; «правда богу сердечная радость»; «бог не веру любит — правду»; «бог любит правду лутчи всего» и т. д. Следовательно, только практическое осуществление добра есть ценность. Это резко противостоит лютеранским представлениям о примате над всем именно веры, которая одна якобы спасает человека.

Идя по пути признания первенства практики над «верою», Пересветов дошел до крайних границ отрицания «веры». Он высказывает чрезвычайно смелую мысль о том, что православные греки, которые «Евангилие чли, а иные слушали, а воли божии не творили», оказались менее угодны Богу, чем магометане турки, которые хотя и не имели истинной веры, но «правду» осуществляли. С изящной смелостью формулируя свои мысли, Иван Пересветов заявляет о русском царстве: «Есть ли к той истинной вере христианской да правда турецкая, ино бы с ними ангели беседовали!» Бог отдал греческое царство в руки магометан за то, что в нем власть императора оказалась ограниченной вельможами, за то, что вельможи творили неправый суд, томили народ рабством. «Обленивевшиеся» вельможи своею леностью «богу лжут и государю». Отсюда требования Пересветова самой сильной, самой неограниченной и самой деятельной власти: «Царь — кроток и смирен на царстве своем — и царство его оскудеет, и слава его низится. Царь на царстве грозен и мудр — царство его ширеет, и имя его славно по всем землям».

Чтобы ввести в царстве своем «правду», нужна «гроза»: государь должен быть грозен для своих подданных. Без грозы «правды в царство не мощно ввести. Правда ввести царю в царство свое, ино любимаго не пощадити, нашедши виноватаго. Как конь под царем без узды, так царство без грозы». Здесь почти что обоснование будущих жестокостей Ивана Грозного.

Таким образом, максимальная собранность всех сил государства для введения «правды», наибольшая активность, отрицание «веры» без «правды», неуклонное до беспощадности проведение в жизнь всех мероприятий государственной власти — таково деятельное и бескомпромиссное мировоззрение поднимающегося сословия — дворянства, заинтересованного в реформах, во внедрении нового и в искоренении старых порядков феодальной раздробленности и самого боярства как сословия, опирающегося на заслуги предков, а не на собственные способности и дела.

Культ разума, деятельного проведения разумных начал в жизни фактически ведет в мировоззрении Пересветова к требованию последовательной и постепенной секуляризации, обмирщению всей жизни. Пересветов выступает против церковного провиденциализма. Не бог, но сам человек творит свою судьбу, а бог только «помогает» тем, кто стремится ввести в жизнь «правду» — справедливость и разумность. «Богъ помогает не ленивым, но кто труды принимает и бога на помощь призывает, да кто правду любит и праведный суд судит. Правда богу сердечная радость, а царю великая мудрость».

Мировоззрение дворянских публицистов проникнуто духом реформаторства, стремлением активно преобразовать общество на «разумных» или казавшихся разумными основаниях, не считаясь ни с чем.

Литература приобретает публицистический характер. Публицистика же требует немедленного вмешательства в жизнь, немедленного ее «исправления». Публицистика в XVI веке с ее челобитными, ставшими своеобразным литературным жанром, с ее проектами была наиболее действенной формой литературы. Она не только поучала и убеждала, — она порой как бы приказывала, распоряжалась (так стало вскоре с произведениями Грозного, так было и в посла-

ниях митрополитов), вносила на рассмотрение общества разработанные до мелочей деловые проекты (Ермолай-Еразм и Иван Пересветов).

Однако Пересветов выступает и за свободу страны. Он пишет: «Которая страна порабощена, те люди не храбры». Против чьего же насилья выступает Пересветов и чью свободу он отстаивает? Из всего контекста его сочинений ясно: против насилья и притеснения «вельмож», бояр.

Итак, с одной стороны — убежденность, что только от одного человека, государя, от его ума и просвещенности зависит благосостояние страны, а с другой — проповедь свободы и «добровольного» начала даже в военной службе. Противоречие это характерно для идеологии так называемого «просвещенного абсолютизма», в разных формах и вариантах проявившего себя в XVI веке по всей Европе.

* * *

Противоречие между требованиями абсолютной власти монарха и стремлением к свободе сказывается прежде всего в вопросе об организации вооруженных сил Русского государства. Вопрос о свободе возник в сочинениях Пересветова в связи с необходимостью заменить феодальное ополчение регулярным войском. Первое собиралось по принуждению, второе находилось на жалованье (денежное жалованье, пожалование поместьем, натуральное довольствие). Иван Пересветов постоянно подчеркивает, что воевать нужно за награду, а не по принуждению: «Воинника держати, как сокола кредити: и всегда сердца имъ веселити». Авторы публицистических произведений связывают свои предложения социальных реформ с необходимостью укрепить русское войско, реорганизовать его. Авторы аргументируют необходимость этих реформ тем, что они сделают русское войско более мощным, позволят быстрее созывать ратников во время военной опасности, укрепят их дух и т. д. Образование централизованного государства на востоке Европы было ускорено интересами обороны. Следовательно, интересы обороны диктовали многие государственные реформы. Войны на востоке, юге и западе России создавали необходимость в такой государственной системе, которая отвечала бы нуждам военным.

Как рассказывает о себе сам Иван Пересветов в своей «Малой челобитной», он выехал в Россию из-за границы «на царское имя» и вывез с собой образец гусарского щита, который хотел распространить в русском войске. Это не было безделкой, мелким военным изобретением. От такого рода изобретений зависел исход сражений. Гусарский же щит Пересветова представлял собой серьезную защиту пешего войска от атак степной конницы. Щит был одобрен, и через боярина Михаила Юрьевича Захарьина Пересветов получил крупный заказ на такие щиты. «И Михайло Юрьевич образцы посмотрив, и тебѣ, государю, службу мою похвалил и обо мнѣ тебѣ, государю, печаловался. Дѣлати было, государь, мнѣ щиты гусарския добраго мужа косая сажень, с клеєм и с кожею сырицею, и с ыскрами, и с рожны желѣзными, — а тѣ, государь, щиты макидонсково обрнца. А дѣлати их в ветляном древе, легко, добрѣ и крѣпко: один человек с щитом, гдѣ хошет, тут течет и на конѣ мчит. И тѣ щиты в поле заборона: из ближняго мѣста стрела немет, а пицаль из дальные цѣли неймет ручныя. А из-за тѣхъ щитов в поле с недругом добро битися огненною стрельбою из пицалей и из затинных, з города».

Эти сведения о себе Ивана Пересветова, сообщаемые им в «Малой челобитной», чрезвычайно существенны для понимания его публицистической деятельности. Иван Пересветов был военным. Он заботился об укреплении военного могущества Русского государства в первую очередь. История с гусарскими щитами очень показательна. Иван Пересветов как писатель делал то же, что он делал как профессионал военный: он и делом и словом стремился к переустройству русского войска. Его вооружение он пытался улучшить, создавая производство нового типа щитов; его организацию он пытался усовершенствовать, предлагая реформы в своих публицистических сочинениях.

Заканчивая свою «Большую челобитную», Пересветов подчеркивал, что приехал он служить царю «с тѣми речми и з дѣлы с воинскими» потому, что услышал, что русский царь имеет «от бога мудрое приращение и счастливое к воинству». Ради этого Пересветов оставил «службы богатыя и безкручинныя». Публицистические сочинения Ивана Пересветова далеко перешагнули основную волновавшую его тему устрой-

ства русского воинства и имели гораздо более широкое значение, но об исходной теме всей деловой и публицистической деятельности Пересветова не следует забывать. Забота о военных силах Русского государства не раз сказывается в его сочинениях. О «воинской мудрости» царя, раньше чем об «управѣ во царствѣ своем» и «уставе жития царьского», говорит Пересветов в «Большой челобитной». Богатство и знатность ослабляют воинов. «Хотя и богатырь обогатѣть и облениветь. Богатый любит упокой». Мысль эту Пересветов повторяет дважды, настойчиво подчеркивая, что вельможи плохие воины. Он приводит в пример греческое царство, в котором вельможи царством «обладали... и изменяли и царьство измытарили своими неправедными суды», собирали богатства «от слез и от крови христианския», а сами «обленивели, за вѣру христианскую крѣпко не стояли», царя отвлекли от военных дел и тем погубили страну. Он советует царю приближать к себе тех воинов, которые «люто» могут «против недруга государева смертною игрою играти», возвышать их имена, раздавать награды, выслушивать жалобы и любить их, как отец любит своих детей. Пересветов предлагает огнем жечь и иными «лютыми смертями» истреблять тех, кто отвращает царя от его воинских дел. «А царю без воинства не мочно быти, — говорит Пересветов, — ангели божи и небесныя силы, и тѣ ни на един час пламенного оружия из рукъ своих не выпускают, стрегут рода христианского от Адама и до сего часа, да и тѣ службою своею не скучают. А царю как без воинства бысти? Воинником царь силенъ и славен. Царю быти благодатию божиею и мудростию великою на царьстве своем, а до воинников быти аки отцу до детей своих щедрю. Что царьская щедрость до воинников, то его и мудрость. Щедрая рука николи же не оскужает и славу себѣ великую збирает». Пересветов не только предлагает царю укрепить свое воинство, но и поощряет его к завоеванию Казанского царства. Он передает слова, сказанные Петром, волошским воеводой: «Да тому велми дивимся, что та земля (речь идет о Казанском царстве. — Д.Л.) не велика и угодна велми у таково у великово у силново царя под пазухою в недружбе, а онъ ей долго терпит и кручину от них великую принимает».

Те или иные наставления о «воинской мудрости» заключают в себе и «Сказание о царе Константине», и «Сказание

о Магмете-салтане», и «Предсказание философов и докторов», и «Малая челобитная», и «Сказание о книгах», то есть все те произведения, которые традиционно приписываются Пересветову. В сущности, предложения Пересветова можно рассматривать как предложения воинских реформ в первую очередь. Они соответствовали интересам дворянства и не случайно частично осуществлялись впоследствии Иваном Грозным при содействии Адашева. Это объясняется тем, что воинские реформы мыслятся Пересветовым с необычной для своего времени широтой, как реформы всего государственного и социального строя, исходящие из интересов и идеологии дворянства.

Но не только Пересветов занят идеями этих воинских преобразований. Стремлением к укреплению армии отмечена и «Правительница» Ермолая-Еразма. Он предлагает регламентировать ратные повинности помещиков количеством отводимой им земли. С каждой территориальной единицы — «четверогранного поприща» — выходит на военную службу сам помещик и его слуга в бронях. Помещик и слуга живут в городе, чтобы в случае нужды немедленно явиться по призыву. И самые размеры «четверогранного поприща», устанавливаемые Ермолаем-Еразмом, и повинности крестьян в отношении помещиков определяются в известной мере этой воинской организацией. Сочетание строжайшей дисциплины и добровольности, личной заинтересованности представляются обоим реформаторам — Пересветову и Ермолаю-Еразму — наиболее разумным решением вопроса. Жизнь, однако, показала, что такое сочетание не всегда бывает возможным: в феодальной Руси либо одно, либо другое берет верх, и тогда возникает или деспотизм вместо дисциплины, или же бунт вместо свободы.

* * *

Стремление найти «вечные», разумные, логические, незыблемые основания в самой жизни, провозгласить общие принципы, которые устанавливали бы основы социальной справедливости, в широкой степени характерны не только для воинских проектов Ермолая-Еразма. Он говорит об обязанностях царя заботиться о благе своих подданных, исходя из воззрений на Русское государство, как на единственное православное государство во всем мире. Благо подданных Ер-

молай-Еразм понимает, стремясь найти общие принципы его в самом мироздании. И в этом отношении огромный философский интерес представляет созданная им концепция. Он утверждает: в основе всего социального порядка находятся крестьяне, так как производимый ими хлеб — главный источник жизни. «В начале же всего потребни суть ратаеве (пахари. — Д.Л.): от их бо трудов есть хлеб...» Хлебом питаются все — от царя и до крестьянина; хлеб — свят, он возносится в таинстве евхаристии. Хлеб — основа благосостояния людей и государства. Следовательно, крестьяне, непосредственные производители хлеба, — главный слой населения. И он называет крестьян необычно и торжественно — «ратаи».

Как и Пересветов, Ермолай-Еразм выступает против знатности. Неравенство может основываться только на неравном труде. Большой надел должен соответствовать большим обязанностям. «Аще же будет гдѣ поприще по поприщу землею неравно, есть бо тако и людие: суть въ едином удобствии, сирѣчь равенствѣ, имут же нѣкая отстояния, межю себе суще неравна, по человеку убо разсмотри, и поприще раздѣляет лучешим лучешая». Дворянский характер этого внешне демократического принципа ясен. По существу, он обосновывает право на представляемые поместья и отрицает право на наследственные вотчины. Ермолай-Еразм пишет про вельмож, что они «ни от коих же своих трудов доволствующе», и противопоставляет им служилое дворянство, которое, по его мнению, несет службу не бездельно и за эту службу получает землю и крестьян. О награждении последних землею Ермолай-Еразм умалчивает.

Ермолай-Еразм заявляет в «Молении к царю», что он ставит себе целью своими предложениями достигнуть «благоугодия земли и умаления насильства». Однако Ермолай-Еразм озабочен по преимуществу тем, чтобы владение крестьянами передать из рук боярства целиком в руки дворянства. Он стремится также упорядочить эксплуатацию крестьян.

* * *

Наставлять подданным царя, а царю подданных стало одним из важнейших дел культа разума, столь характерного для европейского XVI века. К этому же роду наставительных произведений принадлежат и сочинения Максима Грека, обращенные к игуменам и простым инокам. Наконец, и обычные

исторические сочинения и повести клонились к этому наставительному пафосу, пафосу исправления нравов, привычек, поведения и управления начальников и монархов. «Повесть о царице Динаре» — это произведение о мудрой управительнице. И мудрости своей сама царица Динара учится из опыта истории и исторических книг: «Первѣе — показа любовь ко властодержавцем своимъ, и милость к народомъ, и праведный суд. И паче всего имѣаше прилежание к божественному Писанию, и о преднихъ царѣх и властодержавцах, како бѣ пребывание в нихъ и временное прехождение, и от того навыче воиньской храбрости. Якоже пчела събираетъ от цвѣтов медь, тако и сиа Динара от памятных книгъ».

Не случайно и увеличение значения переводных произведений, обращенных с наставлениями именно к главам государств. Таковы, например, нравоучения Аристотеля Александру Македонскому, собранные в замечательном памятнике «Тайная тайных». В наставлениях Аристотеля звучит тот же призыв выбирать людей не по их происхождению, а по их способностям. В главе «Об управлении слугами своими, и боярами, и витязями (глава 6. Пятница)» Аристотель говорит Александру: «А не смотри на отчину (происхождение. — Д.Л.) их, но на дела их» и о том же напоминает в связи с советами стеречь правду, справедливость и закон: «И досмотриай достоинства каждого человека к службе своей, ни земли его, ни роду его». «Тайная тайных» внимательно читал и Иван Грозный, как это видно из многих рассуждений в его посланиях.

На несколько иных позициях стоит философ и публицист XVI века Федор Карпов. С общеморальных позиций Федор Карпов протестует против «терпения», то есть безусловного подчинения подданных царской власти. Он утверждает, что «терпение» приводит к неограниченному произволу властителей, что покорность развращает власти, и постоянно сетует на современность, на безнравственность современного ему общества. Мировоззрение Федора Карпова, в сущности, пессимистично. Его идеал покой, и он ищет этот покой в потустороннем мире. В конце своего послания к митрополиту Даниилу Федор Карпов пишет об обетованной земле живых, о рае, в котором «часы не начинают дней, восхода и захода не имѣють, годоваго предѣла не стяжут, старость младенчества не пременяеть, немощь здравиа не озлобляеть, смерть живо-

та не кончается; времена несчастна тамо не чаются, тамо вся красна, ничто неблаго, вся добра, ничто спротивио, нѣсть труда телеснаго или мысленаго, но всегда бес конца тихий покой, никоего неразумна, но всевѣчна премудрость».

* * *

Огромная роль, которая отводилась в мечтах и чаяниях людей первой половины XVI века Русскому государству, побуждала к созданию особой теории его национального и мирового значения, которая обосновывала бы право этих надежд. Русское государство становится «идеологическим государством» — со своей теорией общемировых обязанностей и права на эти обязанности.

Чем решительнее и чаще обращались публицисты и проповедники к государям всея Руси с требованиями внутренних реформ и укрепления власти, тем больше возрастала убежденность самого государства в своем общерусском и мировом значении. Это было решительное изменение во взглядах русских государей и князей отдельных княжеств на самих себя. Ничего подобного не было в предшествующие века. В предшествующие века главы отдельных русских княжеств ощущали свои права, как права владельцев, обязанности же свои ограничивали самозащитой и защитой населения своих княжеств от внешних вторжений. Объединив отдельные русские княжества под своей властью, московские государи стали воспринимать свои обязанности прежде всего как некое служение — служение православию во всем мире, а себя — как единственных после падения Византии защитников православия во всем мире.

Права и обязанности в Средние века были прежде всего правами по наследованию и удостоверялись определенными знаками, пророчествами, регалиями, генеалогическими «свидетельствами» — родословными и «сказаниями». Поэтому все теории власти, которые начали возникать в XV и XVI веках, о мировой роли Русского государства строились прежде всего на обоснованиях права по наследству — от Рима Восточного и Рима Западного, или Первого.

Три теории привлекли к себе внимание русских государей и были ими восприняты для обоснования своих неограниченных прав на вмешательство в судьбы мира: теория, изложен-

ная в «Повести о Вавилонском царстве» (см.: Памятники литературы Древней Руси. Вторая половина XV века. М., 1982) и обоснованная там обретением царских регалий, теория, высказанная «попутно», как сама собой разумеющаяся, в посланиях старца псковского Елеазарова монастыря Филофея о Москве — Третьем и последнем Риме, и третья теория, основная часть которой была создана бывшим московским митрополитом Спиридоном-Саввой и изложенная им в «Послании о Мономаховом венце», а затем переработанная и официально принятая в «Сказании о князьях владимирских», где власть московских государей рассматривалась как унаследованная от римских цезарей.

Что было между ними общего и в чем они различались?

«Сказание о Вавилоне-граде» — наиболее ранняя из попыток заявить и обосновать права Русского государства. Она относилась к XV веку и рассказывала легенду о том, как равные права получают одновременно для своих царств грек, грузин и русский. Они проникают в заколдованное и таинственно охраняемое Вавилонское царство, где и получают венцы царя Навуходоносора, драгоценные камни и кубки.

Важно отметить, что, несмотря на весь свой сказочный характер, «Сказание» было включено в XVI веке в официальный сборник.

Сказочный характер «Сказания о Вавилоне-граде» не мог, однако, удовлетворить читателей, искавших более деловитых и бесспорных исторических оправданий прав русских государей на власть. Сказка не претендует на достоверность — скорее на занимательность. Поэтому вскоре рядом со «Сказанием о Вавилоне-граде» появляется другая легенда — «Сказание о князьях владимирских».

«Сказание о князьях владимирских», ставшее в конце концов официальной концепцией исторических прав Русского государства в XVI веке, прошло несколько стадий в своем развитии. Создал историческую легенду тверской монах Спиридон-Савва, посвященный в XV веке в Царьграде в митрополиты всея Руси, но не признанный в Москве и сосланный московским великим князем в Ферапонтов монастырь. Ему первому принадлежит идея связать родословие московских князей с римскими цесарями. Он составил «Послание о Мономаховом венце», в котором утверждал, что от Августа-кеса-

ря его потомок Прус получил свою часть на востоке Европы. Это его наследство перешло затем к его потомку Рюрику, а от него к русским князьям Рюриковичам. Вторая часть того же послания излагает историю получения в Царьграде «шапки (венца) Мономаха» Владимиром Мономахом, а с ним вместе и других даров, удостоверяющих его царское достоинство. Третья часть послания — родословие литовских князей Гедиминовичей, свидетельствующее о том, что Спиридон-Савва, создавая свою легенду, не собирался непременно связать ее лишь с московскими князьями и их правами на царский венец. Этому послужило уже другое произведение, сохранившее тот же легендарный характер, — «Сказание о князьях владимирских». Неизвестный нам автор специально приспособил легенду, изложенную Спиридоном-Саввой в его послании для доказательства правомерности притязаний потомков Даниила Александровича московского через его сына Юрия Даниловича на возглавление Руси. Примечательно, что заканчивалось оно упоминанием победы Дмитрия Донского на Куликовом поле, как бы закреплявшим окончательно его права.

Именно это «Сказание» и было принято в качестве официального обоснования прав московских великих князей на возглавление всех русских княжеств, а затем и Русского царства. В 1547 году Иван Васильевич IV был коронован «шапкой Мономаха» на русский престол. На основе «Сказания» был составлен и самый «Чин венчания» московских государей. Идеи «Сказания» излагались в дипломатических документах, в официальных летописях, в «Степенной книге царского родословия». Отдельные сцены из него и самый текст «Сказания» был вырезан на дверцах царского трона, стоявшего в московском Успенском соборе.

Более же широкое историческое обоснование прав Москвы на первенствующее положение в мире было изложено в неофициальных посланиях псковского старца Филофея. Сперва в «Послании на звездочетцев» 1524 года, а затем еще в двух посланиях, адресованных, судя по относительно поздним спискам, Василию III и Ивану IV, Филофей упоминает о Москве как о Третьем и последнем Риме. Но в официальную мысль представления о том, что Москва является третьим и последним мировым государством — Третьим Римом, вошли не ранее XVII века и то как бы под сурдинку — без помпезного

провозглашения своих прав. Согласно этой теории старца Филофея, не представлявшей ничего исключительного для средневековой Европы, где большинство царствующих династий связывали свое происхождение либо с римскими императорами, либо с участниками Троянской войны, мировая история представляет собой последовательную смену мировых держав. Первой мировой державой был Рим Древний (основателями которого иногда выступали герои Троянской войны). Второй мировой державой, пришедшей на смену первому, являлся Рим Второй, или Византия. После же отпадения Второго Рима от православной веры в результате Флорентийской унии и захвата Константинополя магометанами, Третьим Римом, защитницей и центром истинного православия стала являться Москва. «Четвертому же Риму не быть», — утверждала легенда, пока еще, в XVI веке, утвердившаяся в среде сторонников Москвы в Пскове.

* * *

Самостоятельная русская общественно-политическая и философская мысль несомненно отражала знакомство с переводными философскими произведениями общемирового значения. К таким принадлежали, например, сочинения ранневизантийского богослова Дионисия Ареопагита или «Диоптра» инока Филиппа, из которой в нашем сборнике мы печатаем одну ее самостоятельную часть — «Разговор Души и Плоти». Произведение это принадлежит к жанру так называемого «сократического диалога», известного в мировой литературе со времен античности. Поразительна в этом диалоге та роль, которая отводится в нем телу. Тело хотя и признается «служанкой» души, но именно оно учит душу, ибо оно познает мир, познает Писание и сочинения отцов церкви. Без тела душа слепа, нема и бездеятельна. Тело читает, переворачивает листы книг, вникает в суть дела, рассуждает, ибо обладает органами памяти, мысли и восприятия (три части мозга). И хотя душа бессмертна, а тело смертно, но именно оно умеет утвердить свое значение как познающего начала. Душа же слепа и во всем сомневается. Тело разъясняет душе и чисто богословские понятия, учение церкви и, может быть, помимо воли самого автора, утверждает свое превосходство над душой. Спор души и тела создает и своеобраз-

разную средневековую гносеологию, в которой чувствам за-долго до возникновения философского сенсуализма отводится роль познающего и определяющего познание начала.

Значение «Диоптры», как и сочинений Дионисия Ареопагита, состояло еще и в выработке многих отвлеченных понятий и философской терминологии.

Большое место в «Разговоре Души и Плоти» уделено вопросам воскресения мертвых. Из этих сомнений, одолевающих душу, мы узнаем о том, в чем были главные сомнения средневековых людей, в чем видели они противоречия церковного учения и как стремились ответить на естественно возникающие вопросы и недоумения. Любопытно, что в роли сомневающегося выступает душа, а в роли утверждающего церковную истину — тело, которое признается основным познающим и размышляющим началом. «Разговор Души и Плоти» явился таким образом как бы философским обоснованием той веры в разум, о которой мы говорили в начале этой статьи.

Своеобразным философским произведением была и переводная повесть «Стефанит и Ихниллат». Повесть «Стефанит и Ихниллат» представляет собой собрание басенных поучений глупому царю Льву, объединяемых общим сюжетом. Смысл этих басенных рассказов в том, что одолевать врагов следует не силой, но умом и хитростью: «мудрость больше, чем сила». Опять-таки на первый план выступает разум, мудрость, а порой и простой обман, но обман хитро обдуманый. Повесть «Стефанит и Ихниллат» пришла на Русь с Востока через Византию, по-видимому, еще в XV веке. Не все в этой повести, особенно в ее басенной, нравоучительной части, соответствовало тому, что хотелось русским читателям. Восточная хитрость и обман были явно не по душе русским читателям, озабоченным желанием иметь сильного, мудрого, прямодушного и справедливого царя. Этим объясняется сложная судьба ее текста на русской почве: русские переписчики переделывали ее текст, перетолковывали смысл отдельных рассказов, пропускали некоторые и даже вносили новые.

* * *

Развитие публицистической мысли вызвало появление новых форм литературы, новых жанров. Первая половина XVI века отмечена сложными и разносторонними исканиями

в области художественной формы. Устойчивость средневековых жанров нарушена. В литературу проникают деловые формы, а в деловую письменность — элементы художественности. Мы видели уже, что темы литературы XVI века близки к публицистике, — это темы живой, конкретной политической борьбы. Многие из тем, прежде чем проникнуть в литературу, служили содержанием деловой письменности. Вот почему формы деловой письменности становятся и литературными формами — это прежде всего касается введения в литературу формы челобитных и писем.

Пересветов пишет челобитные. Их содержание близко к содержанию обычных, деловых челобитен. В них, как и во всяких челобитных, есть конкретный адресат (у Пересветова — великий князь, царь). Есть в них и обычные личные просьбы: о допущении его «речей и дел перед государя», о своей защите от сильных людей и о заказе ему изделий (щитов). Однако наряду с обычными для челобитных просьб есть и необычные. Основная тема челобитных Пересветова — отнюдь не личная. Личная — лишь прикрытие, дань деловой условности. Он обращается не с просьбами, а предлагает государственные проекты. При этом в челобитных Пересветова имеются элементы легенды, развитой рассказ. Перед нами очень важный процесс претворения деловой литературы в литературу художественно-публицистическую, обогащение жанровой системы древнерусской литературы за счет деловых жанров. Процесс этот способствовал секуляризации литературы, протянувшись на целые полтора-два века.

В литературе XVI века часто трудно решить — где кончается литература и начинается деловая письменность. Трудно решить: в деловую ли письменность проникают элементы художественности, или в литературе используются приемы деловой письменности. Литература широко обращается к формам устной, ораторской речи, к формам диалога, философской прозы. Литература не столько показывает, сколько рассуждает, размышляет, спорит, доказывает, приводит широкую аргументацию. В форме диалога написано «Того же инока пустычника Васьяна (Вассиана Патрикеева. — Д.Л.) на Иосифа, игумена Волоцкаго, собрание от святых правил и от многих книг собрано, и на его ученики и различные меж собою ответы от книг». Произведение построено как диалог меж-

ду Вассианом и Иосифом. Поддержку этой диалогической форме русская оригинальная литература находит в переводной (см. «Разговор Души и Плоти» или «Стефанит и Ихниллат»).

Многие приемы церковной литературы используются в литературе светской и частично изменяют ее характер. Так, например, широкое развитие в литературе XVI века приобретает аллегория, в прошлом теснейшим образом связанная с традиционной церковной символикой и с жанром притчи. В публицистической литературе первой половины XVI века аллегория используется очень часто, но характер ее становится светским. В форме аллегории написана «Повесть некоего боголюбивого мужа». Характерно, что и в этой повести, как и во многих произведениях XVI века, исторические события служат основой для назиданий и рассуждений. Между тем в предшествующее время, в XI–XV веках, на первом месте всегда стояла историческая сторона, а назидательная была как бы дополнительной. В повести действует «некий» (этим словом подчеркивается, что не важно, кто именно, какое историческое лицо) «благоверный, боголюбивый и милостивый царь». Отсутствие имен исторических действующих лиц облегчает возможность применений этой повести к тогдашней действительности. Освобождение аллегории от церковности было связано с обращением ее к сказочности, — на месте церковной аллегории появляется аллегория, пользующаяся сказочными, басенными формами. И снова поддержку этому явлению русские авторы находили в переводной литературе, в частности в уже упоминавшейся замечательной повести «Стефанит и Ихниллат». Характер средневекового мировоззрения требовал и в светских сочинениях обращения к авторитету древних изречений. Эти изречения и давались в светских полемических и философских произведениях, но они приводились без ссылок на авторитетных авторов: сама форма афоризмов, изречений подкрепляла их убедительность. Афористической формой пользуются Пересветов, Ермолай-Еразм и многие другие авторы первой половины XVI века. Авторы облачают свою мысль в форму, близкую народным пословицам и поговоркам. Перед нами любопытная деталь секуляризации, поисков новых форм убедительного изложения аргументации.

* * *

Литература первой половины XVI века опережает свое время. Она не следует слепо за действительностью, а, исходя из нужд и забот своего времени, указывает и подсказывает пути, по которым эта действительность станет развиваться, неся в себе добрые тенденции, но отчасти и зародыши будущих злоупотреблений властью, когда государь утвердится в своих идеях вседозволенности для него.

Перед нами в первой половине XVI века один из высших подъемов сознания литературой своей ответственности перед судьбой страны и народа. Много в этом подъеме опережало свое время, много было и правильного и ошибочного, ибо писатели судили на уровне своего времени, исходя из его представлений и ошибаясь в пределах опять-таки своего времени, однако вместе с тем они постоянно поднимались над своей эпохой, стремились не только заглянуть в будущее, но и предопределить ход истории. Одно положительное явление совершенно несомненно и бесспорно: в литературу вошли новые общественные и отвлеченные темы, новые мысли, новая терминология — особенно политическая и философская, множество новых понятий, расширилась жанровая система, — в сторону ее обмирщения.

Уже в первой половине XVI века мы можем заметить многие явления, которым суждено было стать типичными для литературы второй половины XVI века и всего XVII века. Одним из таких новых явлений было появление в литературе имен светских писателей. Как правило, до XVI века литература светского характера была в основном безымянной. Мы не знаем имени даже автора «Слова о полку Игореве». По именам мы знаем по преимуществу писателей церковного направления — авторов проповедей, поучений, житий святых, изредка летописцев. Сейчас, в первой половине и середине XVI века, в связи с ростом личностного начала, становятся известными и значимыми имена авторов светских публицистических произведений.